

TASHA NOVA

ГАМЛЕТ
С НАШЕГО ДВОРА

Tasha Nova

Гамлет с нашего двора

<https://litres.ru/74518628>

SelfPub; 2026

Аннотация

Антон Краснопёров мечтает о большой сцене, но реальность бьёт наотмашь. Отчаяние и нищета толкают парня на безумный шаг — кражу. Пойманный с поличным, Антон оказывается в шаге от тюрьмы и краха мечты. Но строгая руководительница драмкружка решает дать дворовому пацану шанс переплавить свой позор в настоящее искусство. Сможет ли «Гамлет с нашего двора» вырваться из глуши и заставить мир рукоплескать!?

Содержание

Глава 1. Цена мечты	4
Глава 2. Железные клещи	10
Глава 3. Позор у дяди Вани	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Tasha Nova

Гамлет с нашего двора

Глава 1. Цена мечты

Сентябрь в посёлке Луговской никогда не церемонился с людьми. Он приходил резко, швыряя в окна хлёсткий, ледяной дождь и прижимая к разбитому асфальту серые, тяжёлые тучи. В такое утро посёлок казался вымершим: редкие прохожие испуганно прятали лица в воротники поношенных курток, торопясь проскочить мимо покосившихся заборов и угрюмого пустыря.

В доме Краснопёровых стёкла дребезжали от каждого порыва ветра. Антошка проснулся не от звонка будильника, а от привычного, пронизывающего холода — старые деревянные рамы давно рассохлись и безбожно пропускали сквозняк. Он подтянул старое байковое одеяло до самого подбородка, но это не спасло. С кухни уже доносился тяжёлый, надсадный кашель матери и приглушённое, недовольное бормотание отца, который снова с самого утра искал, чем опохмелиться.

Кухня Краснопёровых не видела ремонта, казалось, со времён распада Союза. Жёлтые от застарелого табачного дыма обои кое-где отошли от сырости и свисали унылыми лос-

кутами, обнажая серую газетную подложку тридцатилетней давности. Потолок над плитой покрылся жирной чёрной копотью, а колченогий обеденный стол, накрытый потрескавшейся липкой клеёнкой, жалобно поскрипывал от любого прикосновения.

— Ну, Маш, ну чего ты как не родная, — донёсся до Антошки вкрадчивый, хриплый голос отца ещё из коридора. — Голова ж раскалывается, сил нет. Ну плесни на лекарство, я ж отдам с шабашки. Точно отдам.

Мать, маленькая, высохшая от вечных болезней женщина, робко жалась к раковине, качая головой:

— Нету, Коля. И с шабашки ты ничего не принёс. На лекарства мне едва осталось, Антону на проезд...

— Да какие лекарства! — голос отца моментально сорвался на агрессивный, звенящий фальцет, а кулак тяжело опустился на многострадальный стол. — Жалко родному мужу?!

Антошка привычно зашёл на кухню, даже не вздрогнув. За годы этих утренних перепалок у него выработался глухой, непробиваемый иммунитет. Спокойно, словно никого в комнате не было, он прошёл мимо тяжело дышащего отца, взял щербатую кружку и потянулся к остывшему чайнику.

— О, явился, артист! — привязался отец, переключая внимание на сына. Взгляд его мутных глаз зацепился за парня. — Слышь, Тоха... Ты парень молодой, шустрый. Глянь там у себя в карманах-то. Ну по-любому же заправка есть?

Наскреби отцу на чекушку, сдохну ж прямо тут, на кого мать оставишь?

— Нет у меня ничего, — тихо ответил Антон, даже не повернув головы.

Он взял кружку с чаем и ушёл к себе. Вслед полетело привычное пьяное ворчание и тихий плач матери, но парень уже прикрыл за собой дверь.

На старом письменном столе, покрытом царапинами и следами от маркеров, вперемешку валялись тетради, альбомы, карандаши и пара книг по театру из местной библиотеки. Антон сел на стул, обхватил ладонями горячую кружку и уставился в окно, где по стеклу барабанил нудный сентябрьский дождь.

Мысли поплыли как обычно. Он представлял себя в театре на большой сцене в роли Гамлета. Зал полон, свет рампы бьёт в глаза, зрители рукоплещут и кричат «Бис!». В такие моменты вся домашняя разруха и Луговской как будто исчезали.

От мыслей Антошку резко встряхнул звон посуды, донесшийся из кухни. Сердце привычно ёкнуло. Антон устало встал, открыл дверь в свою комнату и прислушался, что там происходит, не пострадала ли мать. Только когда из коридора донёсся её сдавленный, тихий голос, он немного успокоился и закрыл дверь. Посидев на кровати ещё немного, и незаметно, чтобы не заметил отец и не начал приставать с деньгами опять, обулся и вышел за дверь.

На улице дождь уже почти кончился. Время близилось к обеду, серый туман лениво полз над крышами. Парень побрёл в сторону школьного стадиона, где во время каникул обычно крутилась местная шпана.

На стадионе, как и ожидал Антон, было оживлённо. Возле ржавых футбольных ворот, прямо на поваленном бетонном столбе, обосновалась компания во главе с Виталькой Тимофеевым. Пацаны азартно резались в карты, то и дело выкрикивая сальные шуточки и шумно хлопая засаленной колодой по бетону. Вокруг летели шелуха от семечек и едкий дым дешевых сигарет.

— Да говорю тебе, Брюс Уиллис бы его одной левой уложил! — донёсся до Антона голос Кольки Сизого, когда он подошел ближе. Пацаны лениво спорили о каком-то старом боевике, который крутили вчера по телевизору.

— Твой Уиллис уже старый, как мой дед, — сплюнул сквозь зубы Виталька. Он сидел в центре, по-хозяйски расставив ноги в модных, хоть и забрызганных грязью кроссовках. Вдруг его мутный взгляд зацепился за подошедшего Краснопёрова. Уголок губ Витальки издевательски пополз вверх. — Опаца! Глядите, пацаны, сам Иннокентий Смоктуновский к нам пожаловал! Наш народный артист Луговского ДК.

Карты на секунду замерли. Пацаны прыснули со смеху.

— Здорово, Антоха, — хохотнул Сизый. — Ты чего такой кислый? Роль Гамлета недодали или Джульетта бросила?

— Отвалите, — тихо буркнул Антон, пряча руки в карманы куртки и стараясь смотреть мимо Витальки.

— Нет, ну ты глянь на него, — Тимофеев поднялся, демонстративно отряхивая спортивные штаны. Он был на голову выше Антона и шире в плечах. — Мы тут про нормальное кино треплемся, а он у нас выше этого. Он же у нас в Питер собрался, в театральный! Будет там на сцене в колготках прыгать. Слышь, тупица, а ты в курсе, сколько билет до Питера стоит? А за общагу чем платить будешь — стихами своими? Твой батя вчера у магазина опять на чекушку мелочь клянчил, артист. Ты из этой дыры дальше райцентра никогда не уедешь. Нам тут такие, как ты, разнорабочие в колхозе нужны будут. Быков пасти.

Внутри у Антона всё перевернулось. Обида, густая и горячая, подступила к самому горлу. Лицо обожгло стыдом — пацаны ведь знали про отца, знали про бедность. Виталька бил точно в цель, туда, где сильнее всего болело.

— Покажу тебе... — едва слышно, одними губами прошептал Антон, разворачиваясь и быстро шагая прочь со стадиона, под улюлюканье и хохот за спиной. — Я вам всем покажу.

Он не пошёл домой. Ноги сами несли его прочь от стадиона, мимо серых деревенских изб, к заброшенным окраинам посёлка. Весь оставшийся день Антон бесцельно бродил по пустырям. Слова Витальки эхом отдавались в ушах, разжигая внутри глухую, отчаянную ярость. «Из этой дыры нико-

гда не уедешь...» А ведь Тимофеев прав: легально достать деньги в Луговском парню без связей и нормальной семьи было просто невозможно.

Постепенно летний вечер опустился на посёлок мягким, тёмным покрывалом. На улицах зажглись редкие тусклые фонари, а вокруг не было ни души. Вдали мерцали огни машин на трассе, собаки лениво гавкали, вороны хлопали крыльями на ветлах. Антошка остановился на пустыре за школой. В темноте перед ним высился силуэт закрытого торгового киоска. Никаких камер, никакой сигнализации — только ржавая проволоочная сетка, скрепляющая фанерные стенки.

План, безумный и опасный, окончательно созрел в голове. Антон достал из кармана самодельную отмычку и шагнул к двери...

Глава 2. Железные клещи

Антон юркнул внутрь, прикрыл за собой хлипкую дверь и щёлкнул карманным фонариком. Яркий луч света испуганно метнулся по тесному помещению, прыгая по стенам и полкам, словно дикий зверёк, запертый в клетке. Пахло залежалым печеньем, дешёвым пластиком и сыростью.

Сердце билось так сильно, что металлический стук, казалось, отдавался в ушах. Дыхание перехватывало, ладони мгновенно вспотели, и пластиковый корпус фонарика едва не выскользнул из подрагивающих пальцев.

Решив действовать оперативно, Антон торопливо пошарил взглядом по полкам, выискивая товары, которые можно было выгодно и быстро перепродать колхозникам на дальних полях. Рюкзак за спиной казался бездонным. Парень начал лихорадочно забивать его коробками с чипсами, пакетами с соком и блоками сигарет. Рука потянулась к верхней полке и наткнулась на плитку шоколада «Алёнка». С обёртки на него беззаботно смотрела нарисованная девочка в платочке.

В этот момент перед глазами Антона снова всплыло наглое лицо Витальки Тимофеева и его издевательский хохот: *«Ты из этой дыры никогда не уедешь...»*

«Покажу тебе! Всем вам покажу!» — раздражённо и зло пробормотал Антон себе под нос, запихивая шоколадку на самое дно рюкзака.

Его план казался ему безупречным и простым. Продаст добычу, выручит первые нормальные деньги, которых хватит на билет и первое время жизни в Санкт-Петербурге. Он оставит позади эту убогую кухонную разруху, вечно пьяного отца, зарёванную и больную мать, разбрасывающую от бессилия вещи, тупых одноклассников и тесную сцену колхозного дома культуры. Большой город и настоящие театральные подмостки манили его с каждым днём всё сильнее.

Антон затянул лямки потяжелевшего рюкзака и двинулся к выходу, стараясь не шуметь. Но едва он приоткрыл фанерную дверцу и занёс ногу над порогом, как из темноты пустыря донёсся тяжёлый, до боли знакомый басистый голос:

— Эй, Антоха, стой!

Антон весь обмяк, внутри всё похолодело. Мышцы плеч мгновенно свело судорожной, рюкзак показался неподъёмным грузом, тянущим к земле. Из густой тени старого деревенского забора медленно соткался массивный, грузный силуэт. Это был Кузьмич — бывший водитель колхоза, местный бугай, которого в Луговском побаивались даже взрослые мужики. Кузьмич славился крутым нравом и умением договариваться «полюбовно», но на его собственных, жёстких условиях.

— Что ты тут делаешь, оборзел совсем? — Кузьмич угрожающе навис над юношей, мощными руками уперевшись в широкие бёдра. От него пахло дешёвым табаком и мазутом. — Воровством, значит, промышляешь?

Антон густо покраснел, чувствуя себя пойманным в ловушку зверьком. Он растерянно оглядел покосившийся убогий забор, грязную после дождя дорогу и поношенные кирзовые сапоги Кузьмича. Фигура Гамлета, которой он мысленно примерял себя несколько часов назад, рассыпалась в прах. Остался только испуганный мальчишка.

— Я... я не виноват, — чуть слышно залепетал Антон, трусливо отводя взгляд в сторону. — Деньги нужны. Срочно. Поступил неправильно, дядь Коль... Каюсь я.

Кузьмич презрительно усмехнулся, хрипло, надсадно закашлялся и машинально достал из кармана засаленный носовой платок с блёклым красным орнаментом. Утерев губы, он шагнул ещё ближе. В темноте его лицо казалось высеченным из камня.

— Неправильно поступил, говоришь? — повторил он, и в его голосе прорезались опасные, поучительные нотки. — Деньги достать решил незаконным путём? Ну так теперь и мучайся, парень. Потому что свобода твоя на этом кончается.

Антон резко дёрнулся в сторону, надеясь проскочить мимо здоровяка и раствориться в темноте пустыря, но не успел. Тяжёлые пальцы Кузьмича сжали его плечи, словно железные слесарные клещи. Боль обожгла ключицы, парень даже пискнул.

— Давай-ка, показывай, чего наташил, — скомандовал Кузьмич, не ослабляя хватки и встряхнув Антона так, что у

того зубы застучали.

Краснопёров, не выдержав давления и понимая, что не вырвется, дрожащими руками расстегнул молнию рюкзака. Он перевернул его, и всё содержимое с глухим стуком вывалилось прямо на сырую землю: липкие пакеты с соком, несколько мятых коробок картофельных чипсов и та самая плитка шоколада «Алёнка».

— Ах ты негодяй, мелкий воришка, — прокаркал Кузьмич, наклонившись над грудой продуктов. — Маленькие кражи совершаете, думаете, безнаказанными останетесь? Романтики захотелось?

Он замолчал, тяжело дыша и напряжённо что-то соображая. Его взгляд зацепился за рассыпанные в грязи пачки, а уголок рта едва заметно приподнялся в хитрой, собственной улыбке.

— Что же мне с тобой делать-то?! — произнёс он задумчиво, словно взвешивая варианты. На секунду Антону показалось, что мужик заберёт товар себе и отпустит его, но Кузьмич резко обрубил эту надежду: — Сделаем так. Пойдёшь со мной к участковому. Сам скажешь, что добровольно сознаёшься и возвращаешь украденное имущество владельцу. Покаешься — глядишь, и наказание облегчишь. А мне лишние проблемы в посёлке не нужны.

Антошка снова покраснел от жгучего стыда, буквально втянув голову в плечи. Пот выступил крупными каплями на лбу, губы тряслись мелкой дрожью, а к горлу подступил тош-

нотворный комок. Всё было кончено. Мечта о Петербурге разбилась о кирзовые сапоги.

— Ну чего киснешь? Или слабость одолела, нервы шалют, артист? — поддел Кузьмич, демонстративно потянув Антона за плечо в сторону дороги. — Пойдём-пойдём. В участке по душам поговорим.

Антон покорно кивнул, не в силах сопротивляться. Ноги сделались ватными. Так, под конвоем здоровяка, они дошли до старенькой машины Кузьмича, которая сиротливо стояла на обочине возле школьного забора.

«Пусть узнают. Пусть все видят, каким ничтожным, жалким человеком я стал», — уныло и горько думал Антон.

Тяжёлая железная дверь машины захлопнулась, отрезая его от прохладного ночного воздуха. Кузьмич завёл старый мотор, который оглушительно затарахтел. Стук поршней отдавался в голове Антона тяжелейшим металлическим ударом. Салон наполнился запахом дешёвого освежителя «ёлочка» и бензина. Голова кружилась, горло сжимал спазм тошноты, а за окном медленно проплывали серые, погружённые в сон избы Луговского. Машина везла его навстречу позору.

Глава 3. Позор у дяди Вани

Тяжёлая деревянная дверь с облупившейся зелёной краской со скрипом поддалась, и Кузьмич бесцеремонно втолкнул Антона внутрь поселкового участка. В кабинете было тесно, душно и жарко. Воздух казался застывшим, насквозь пропитанным застарелым табачным дымом и резким, химическим запахом только что помытых полов.

Участковый, дядя Ваня Суриков, с натужным кряхтением перевалил своё грузное, толстое тело в потёртом кожаном кресле. Он лениво поднял глаза от стола, недовольно разглядывая ночных визитёров. До конца смены оставалось всего ничего, и заводить на исходе ночи пустяковое дело ему откровенно не хотелось. Дядя Ваня нехотя полез в ящик стола за чистыми бланками, хотя заполнять официальные бумаги ему сейчас отчаянно не хотелось. В мыслях он уже всюду шагнул к дому, где ждала любимая жена с неизменно накрытым горячим завтраком на столе — она всегда так встречала его со службы. А тут такой сюрприз ночной.

— Здорово, Ваня, — басовито прогудел Кузьмич, с грохотом швыряя потяжелевший рюкзак Антона прямо на свободный стул. — Вот, лови полуночника. Вскрыл школьный киоск. Я его прямо на пороге с поличным скрутил.

Дядя Ваня тяжело вздохнул, отодвинул бланки в сторону и посмотрел на парня, в котором сразу узнал сына местного

выпивоху Кольки Краснопёрова. Паспорта у подростка при себе, конечно же, не было, да и зачем он в Луговском — тут все друг друга знали с пелёнок. Снисходительно, с ленивым превосходством сытого кота участковый затянулся папиросой и зафиксировал взгляд на Антоне:

— Так, воришка ты наш. Объяснить можешь, зачем товары украл?

Антон сначала понуро молчал, намертво уткнувшись взглядом в исцарапанные деревянные половицы кабинета. Язык словно прирос к гортани. В голове в такт мигающей люминесцентной лампе пульсировала только одна, самая страшная и жгучая мысль: *«Узнает. Завтра же утром весь посёлок будет гудеть. И она узнает...»*

Мысль об Ирине Николаевне обжигала сильнее, чем страх перед колонией или отцовским ремнём. Она ведь была единственной в этой Богом забытой дыре, кто разглядел в нём что-то, кроме сына местного алкаша. Человек, который учил его высокому искусству, Чехову и Шекспиру, шаг за шагом приближал его к заветной мечте и — самое главное — по-настоящему верил ему. Безоговорочно и искренне. И как он отплатил за эту веру? Стыд жёг невыносимо в груди. Антон до дрожи, до боли уважал руководителя студии. И вот теперь всё рухнуло. Завтра Ирине Николаевне расскажут, что её талантливый «Гамлет» — обыкновенный, ничтожный мелкий жулик, позарившийся на соки и копеечный шоколад. От этого позора Антону хотелось прямо сейчас провалиться сквозь

землю. На ходу он пытался лихорадочно сообразить, как бы сейчас всё это дело обстряпать, соврать что-нибудь или договориться, чтобы всё закончилось благополучно и слухи не поползли по Луговскому.

— Молчишь, товарищ Краснопёров? — прервал тишину Суриков, лениво нажав пару клавиш на клавиатуре старого компьютера и выжидающе глядя на подозреваемого. — Молчать оно, конечно, тоже полезно бывает. Иногда. Но сейчас отвечать придётся.

Тогда Антон разомкнул сухие губы и тихо, смущённо, с явной болью в голосе начал рассказывать свою историю:

— Меня зовут Антон Краснопёров, родился здесь, в Луговском... окончил девять классов средней школы 1. Отец пьёт, мать постоянно болеет, денег в доме вообще не хватает. Я очень хочу поступить в театральный вуз в Питере, но у нас нет средств даже на проезд и проживание на первое время. Решил украсть продукты, чтобы продать их колхозникам и скопить нужную сумму. Больше я так не сделаю, честное слово. Простите меня, дядь Вань...

— Святая простота, — буркнул участковый, рассеянно водя толстым пальцем по кнопкам. — Думал, легко деньги добыть? Нашёл, понимаешь, лёгкий способ до Питера доехать.

Кабинет снова погрузился в тягостную тишину. Время словно замедлилось. Антон судорожно грыз ногти, мысленно проклиная и Витальку, и свою минутную слабость. Дядь

дя Ваня почесал затылок, прикидывая, что Любка — хозяйка ларька — проснётся ещё нескоро, да и ущерба, по сути, нет, всё добро в рюкзаке лежит. Поворачивать закон на полную мощность из-за пачки чипсов на исходе дежурства было лень.

— Ладно, Краснопёров, — зевнул участковый, махнув рукой в сторону двери. — Выйди пока в коридор. Посиди, подумай над своим поведением, а мы тут с Николаем потолкуем, что с тобой, дураком, делать.

Антон покорно выскользнул за дверь. В коридоре он присел на широкий деревянный подоконник и уставился в мутное стекло окна, за которым медленно разгоралось серое утро.

Пока мужики в кабинете лениво и долго переговаривались, споря, стоит ли вообще раздувать дело, время шло. Миновал час, за ним другой. Из открытой форточки потянуло предраассветной прохладой. Всё это время Антон печально смотрел на просыпающийся посёлок и думал о своей ничёмной жизни.

Внезапно, когда утреннее солнце уже окончательно тронуло край неба, входная дверь в участок снова захлопала. В прохладный коридор вошел пожилой мужчина в добротном, дорогом пальто. Еле заметный шлейф уличного тумана окутывал его плотное, уверенное тело. Он на секунду задержался у окна, бросив быстрый, взгляд на сжавшегося на подоконнике Антона, улыбнулся и подмигнул, затем реши-

тельно потянул на себя ручку кабинета участкового и вошёл
внутрь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.